

Депортация: потерянные в дороге чеченцы и ингуши



[Хасан Бакаев](#)

Насильственное переселение народа на чужбину преследует совершенно очевидную цель: оторвать его от дающей ему силу родной земли, оборвать питающие его дух и стойкость корни, обречь на вымирание или быструю ассимиляцию. Именно так мы воспринимаем депортацию чеченцев и ингушей, проведенную сталинскими карателями 23 февраля 1944 года с жестокостью, невиданной даже для кровавого большевистского режима.

Спросим себя: удалось ли коммунистическому режиму сломить этой акцией дух чеченского народа? Ответ на этот вопрос мы находим у Александра Солженицына в его документальной книге «Архипелаг ГУЛАГ». Перечислив депортированные в Центральную Азию народы, и дав каждому из них краткие характеристики, А. Солженицын отмечает: «Но была одна нация, которая

совсем не поддавалась психологии покорности – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чеченцы».

По свидетельству А. Солженицына, чеченцы упорно не желали примириться с судьбой, принять ее как неизбежность. Он писал:

«Я бы сказал, что изо всех спецпереселенцев единственные чеченцы проявили себя зэками по духу. После того как их однажды предательски сдернули с места, они уже больше ни во что не верили. Они построили себе сакли – низкие, темные, жалкие, такие, что хоть пинком ноги их, кажется, разваливай. И такое же было все их ссыльное хозяйство – на один этот день, этот месяц, этот год, безо всякого скопа, запаса, дальнего умысла. Они ели, пили, молодые еще и одевались. Проходили годы – и так же ничего у них не было, как и в начале. Никакие чеченцы нигде не пытались угодить или понравиться начальству – но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны».

Следует отметить, что в 1949 году – через пять лет после депортации – чеченцам в числе других кавказских «спецпереселенцев» было запрещено покидать районы комендантских участков, где они были прописаны. Запрет касался всех лиц, достигших 16-летнего возраста, а его нарушение каралось сроком заключения до 25 лет. Иначе говоря, сталинщина придумала для депортированных кавказских народов какой-то гибрид резервации и трудового концлагеря, выход за пределы которого карался 25-летним тюремным заключением.

Кстати, когда просят определить разницу между германским нацизмом и большевизмом, обычно отвечают, что нацисты уничтожали людей по национальному признаку, а коммунисты – по социальному. Но это крайне ошибочное мнение, потому что коммунисты подвергали людей жестоким репрессиям и уничтожению не только по социальному, но и по национальному признаку. Так, на совести сталинского режима более десятка народов, входивших в коммунистическую империю, частично уничтоженных и частично заключенных в трудовые концлагеря по месту депортации. Поэтому в лице коммунизма мы имеем дело с «двойным нацизмом»; так сказать с «нацизмом в квадрате».

Теперь немного о цифрах. Эти цифры взяты нами из документальной книги Н.Ф. Бугая и А.М. Гонова «Кавказ: народы в эшелонах (20-60-годы)» (Изд-во

«Инсан», М., 1998 г.). Авторы отмечают, что подготовительные мероприятия по выселению чеченцев и ингушей были начаты в январе-феврале 1943 года – сразу же после освобождения Кавказа от германских войск. Важнейшей частью этих мероприятий явился тщательный статистический подсчет количества чеченцев и ингушей. С учетом выявленной общей численности чеченцев и ингушей, в конце января 1944 года была подана заявка на 14 200 вагонов и 1000 платформ, необходимых для перевозки в Центральную Азию депортируемых. Это количество вагонов и платформ предполагалось разделить на 159 эшелонов.

Легко подсчитать, что на каждый состав приходилось по 89 вагонов и 6 платформ. Каждый эшелон сопровождали 35 конвоиров, занимавших один вагон. Напомним, что из перечисленных 159 эшелонов последним в Центральную Азию последовал бесконвойный состав, в котором в сравнительно комфортных условиях везли республиканскую партийную и хозяйственную верхушку, чекистов, представителей лояльного к советской власти духовенства и членов их семей. Исключив из общего количества вагонов с депортируемыми 158 вагонов, занятых конвоирами, мы получаем в остатке 14042 вагона, в которых, по официальным данным, было перевезено из Чечено-Ингушетии в Центральную Азию 478 479 человек (387 229 чеченцев и 91 250 ингушей). Если провести нехитрые расчеты, получается, что в каждом вагоне везли всего по 34 человека.

Однако такое количество ссыльных на один вагон решительно не совпадает с принятыми в СССР того времени нормативами перевозок по железной дороге. Эти нормативы мы узнаем из известной работы Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Автор отмечает: «В тех малых телячьих товарных вагонах, в которых полагается перевозить восемь лошадей или тридцать два солдата или сорок заключенных, ссылаемых... везли по пятьдесят и больше» («Архипелаг ГУЛАГ», журн. «Новый мир», 1989 г., №11, стр. 168).

Понятно, что в условиях военного времени, когда транспортная инфраструктура СССР испытывала острую нехватку в вагонах и локомотивах, и железнодорожное хозяйство, по официальным данным, работало с двойными нагрузками, НКВД никак не мог выпросить у руководства страны дополнительные тысячи вагонов, чтобы устроить «спецпереселенцам», объявленным «пособниками фашистов», более или менее комфортные условия перевозки и размещать их, в нарушении инструкций, по 34 человека в вагоне. Никто, конечно, не заподозрит сталинские карательные органы, которые в

процессе депортации тысячами расстреливали, взрывали, топили в горных озерах и сжигали чеченцев живьем, в желании обеспечить дорожный комфорт этим «врагам народа». Вдобавок к этому нужно учитывать элементарное чувство самосохранения у функционеров НКВД: если бы они оторвали от транспортного хозяйства тысячи дефицитнейших вагонов и локомотивов сверх нормативного (один вагон на 50 спецпереселенцев) количества, их бы ожидала самая суровая расплата по законам военного времени.

Кроме того, имеются свидетельства самих чеченцев и ингушей об условиях, в которых их перевозили. Приведем одно из таких свидетельств. Вот что в 2007 году рассказал о тех трагических событиях корреспонденту ИА REGNUM 89-летний чеченец, житель Грозного Месирбек Ганашев:

«В вагоне-телятнике было тесно, лежать было негде, люди с трудом умещались сидя, поэтому приходилось лежать по очереди, отдыхали только тяжело больные. Болели многие, особенно дети. Помню, очень плохо в тот злополучный день было пятилетнему мальчику. У него был сильный жар, он просил пить. На одной из станций нашего эшелона мать этого мальчика подвела его к заглянувшему в вагон офицеру. Она просила позволить набрать хотя бы снега для сына. К мольбам женщины присоединились и находившиеся в вагоне старики. И тогда военный схватил плачущего ребенка и сошел с вагона. Мы все с облегчением подумали, что он хочет напоить его. Но вместо этого офицер швырнул ребенка в кузов одной из машин с трупами, крикнув: "Все! Теперь вода не понадобится!". Бедная мать ребенка кинулась к машине, но раздавшийся глухой выстрел остановил ее навсегда. Тогда на убийцу кинулся старший сын, но и его постигла та же участь. Его расстреляли в упор. За 13 дней пути только из одного нашего вагона вынесли 24 трупа. Из-за большого количества смертей не все тела увозили, многие трупы оставляли лежать вдоль железной дороги так и не погребенными»*

Очень высокую смертность среди депортированных чеченцев и ингушей засвидетельствовал также и Э.М. Аметистов, российский юрист, профессор международного права, судья Конституционного Суда РФ:

«Одно из самых страшных воспоминаний моего детства – то, что я видел в 1944 году в Караганде, это был конец депортации чеченцев. Я видел, как их туда привезли в вагонах, и половину выгружали уже трупами. Живых выбросили на 40-градусный мороз, в неотопливаемые бараки. Можете себе представить, как

жили в Караганде мы, беженцы, во время войны, но мы дали приют этим людям, хотя бы до лета. Я думаю, что такие события остаются в генной памяти народа и бесследно не проходят» («Ни одна конституция не стоит человеческой крови» // «Новая ежедневная газета», номер за 25 января 1995 года).

Как мы можем судить из этого и тысяч других воспоминаний жертв депортации и очевидцев, чеченцев и ингушей перевозили в переполненных до предела вагонах. Поэтому в каждом из этих вагонов никак не могло быть меньше положенных по инструкции 50 спецпереселенцев, а на самом деле по многим свидетельствам чеченцев и ингушей, переживших депортацию, им приходилось тесниться в вагонах по 80 и больше человек.

Теперь, исходя из количества затребованных карательными структурами вагонов для перевозки спецпереселенцев, мы можем судить, сколько на самом деле насчитывалось чеченцев и ингушей на момент депортации. Чтобы избежать обвинений в преувеличениях, будем исходить из нормативного минимума – 50 человек ссыльных на один вагон. Умножаем 14042 вагона на 50 и получаем более 702 тысяч депортируемых чеченцев и ингушей. И это то минимальное количество людей, которые были отправлены из Чечено-Ингушетии в Центральную Азию. Учитывая, что спецпереселенцы ехали на место ссылки в предельной тесноте, мы смело можем увеличить общую численность чеченцев и ингушей на 1944 год до 800 тысяч. Кстати, эта численность совпадает с информацией ингушского политического деятеля в эмиграции Вассан-Гирея Джабагиева, который в 1942 году в письме в одну из немецких газет оценил общую численность чеченцев и ингушей (тех и других он обобщенно называет чеченцами) в 800 тысяч человек**. Но, повторимся, мы будем оперировать минимальным соотношением – 50 человек на один «телячий вагон».

Теперь вспомним количество чеченцев и ингушей, прибывших, в соответствии с официальной отчетностью, из Чечено-Ингушетии в Центральную Азию – 478 479 (387 229 чеченцев и 91 250 ингушей). Отнимаем это количество от 702 тысяч погруженных в вагоны и получаем 223 500 «потерянных» в дороге чеченцев и ингушей. Именно таково – по самым минимальным оценкам – количество погибших во время перевозки чеченцев и ингушей. Причинами этой массовой гибели стали холод, голод, эпидемия тифа (при полном отсутствии медицинской помощи) и репрессии.

Из прибывших (по официальной отчетности) в марте 1944 года Центральную Азию 478 479 чеченцев и ингушей, через 12 лет, в 1956 году, оставалось в живых 395 тысяч. Получается убыль в 83 тысячи 479 человек. Однако, если мы примем во внимание количество родившихся в депортации детей, частично восполнивших количество умерших, эти потери оказываются гораздо выше. Известно, что с 1945 по 1950 гг. в чеченских и ингушских семьях родилось более 40 тысяч детей. Причем, динамика рождаемости год от года неуклонно повышалась:

- в 1945 г. у чеченцев и ингушей родилось 1800 детей;
- в 1946 г. – ок. 4000;
- в 1947 г. – ок. 5800;
- в 1948 г. – ок. 8300;
- в 1949 г. – ок. 9100;
- в 1950 г. – ок. 12000.

Итого, за первые 6 лет депортации с 1945 по 1950 гг. в чеченских и ингушских семьях родилось 41 тысяча детей. Сведений о рождаемости после 1950 и до 1956 гг. обнаружить не удалось. Однако, учитывая неуклонно повышающуюся динамику рождаемости, мы смело можем считать, что всего в годы депортации родилось не менее 150 тысяч чеченских и ингушских детей. Но даже после частичного восполнения количества умерших в пути и в ссылке этими 150 тысячами детей, количество чеченцев и ингушей на момент возвращения домой было на 83 тысячи 479 человек меньше, чем их прибыло в марте 1944 года в Центральную Азию. То есть, за 12 лет умерло по разным причинам не менее 230 тысяч чеченцев и ингушей. Единственное объяснение этой чудовищной смертности мы нашли в книге чеченского историка Лемы Усманова «Непокоренная Чечня» (М.1997 г., стр. 84-85):

«После того, как основной этап чеченского изгнания был завершен, началась охота за теми, кому посчастливилось избежать этой скорбной участи. Особенное распространение получила практика разбрасывания в горах “случайно забытых” продуктов питания. Отравленные продукты были широко апробированы и в местах депортации чеченцев.

Этот аспект русских преступлений стал предметом дискуссии на конференции “Международное право и Чеченская Республика” (Польша, Краков, 8-11 декабря 1995 г.). Один из ее участников, Иван Билас, профессор, депутат

Парламента Украины, привел сведения из Русского архива (фонд 9478, дело № 1375, 1949 год), показывающие, что чеченцев в годы депортации “подкармливали” отравленными продуктами питания. В документах они названы “пищевыми сюрпризами”. Так, например, для отравления 1 кг муки рекомендовано добавлять 1 г белого мышьяка, а на 1 кг соли – 10 г. Другой яд – мышьяково-натриевая соль – предназначался для сахарного песка (на 1 кг – 10 г) и воды (на 1 л – 1 г). Этот “сюрприз” рекомендован для использования на местах, в частности, при отваривании любимых чеченцами галушек. Для масел же, оказывается, очень “хорош” был гексоген. На той же Краковской конференции другой ее участник Рышард Бочан, депутат Совета г. Кракова, привел свидетельства польских депортантов-очевидцев загадочного массового (тысячами) вымирания “на вид здоровых и крепких чеченцев”».

Суммируя все выявленные нами факты и цифры, мы можем сказать, что в процессе перевозки в Центральную Азию и за 12 лет пребывания в ссылке чеченцы и ингуши потеряли – по самым минимальным оценкам – 450 тысяч человек. Повторяю: это самые заниженные данные, хотя в реальности, вне всяких сомнений, количество погибших чеченцев и ингушей гораздо выше представленной цифры. И это без учета тех тысяч чеченцев, которые были жестоко уничтожены карателями в процессе выселения непосредственно на территории самой Чечено-Ингушетии.

* <https://regnum.ru/news/polit/787084.html>

** <http://proza.ru/2020/09/05/38>

© Copyright: [Хасан Бакаев](#), 2021

Свидетельство о публикации №221022201243